САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций
Факультет журналистики

На правах рукописи

Андрипольская Анна Сергеевна

Коммуникативный потенциал публицистики Захара Прилепина

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению «Журналистика»
(научно-исследовательская работа)

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Н. С. Цветова
Кафедра речевой коммуникации
Очная форма обучения

Вх. №_____от_____
Секретарь ГАК_____

Санкт-Петербург
2016

Содержание

Введение.....3

Глава 1. Коммуникативный потенциал публицистического текста как научная проблема.....7

1.1. Коммуникативистика и медийное речеведение: точки пересечения, актуальные проблемы и ключевые понятия……...7

1.2. Речевое воздействие и речевое манипулирование в свете коммуникативистики…….17

1.3. Теория речевого воздействия: терминологическая система…...23

Глава 2. Средства формирования коммуникативного потенциала публицистических текстов Захара Прилепина 40

2.1. Жанровые предпочтения Захара Прилепина-публициста…….40

2.2. Речевое воплощение категории авторства…….....45

2.3. Средства диалогизации публицистической речи……..….51

Заключение.....60

Список использованных источников и литературы..... 62

Введение

Неотъемлемой частью жизнедеятельности любого человека является общение. Люди делятся знаниями о событиях, явлениях окружающей действительности, обмениваются информацией для получения какого-либо результата: ответа, реакции, одобрения, порицания и т. п. Коммуникативистика и смежные с ней научные дисциплины изучают алгоритмы эффективной речевой коммуникации, слово и текст как основные коммуникативные единицы. Современные лингвисты под коммуникативным потенциалом слова понимают закрепленную в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальную способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая «квант» знаний о явлениях реального мира или сознания и определенный прагматический заряд[1]. Коммуникативный потенциал текста связывается с совокупностью текстовых характеристик, которые дают возможность рассматривать текст как коммуникативную единицу. Одно из наиболее востребованных научных направлений, разрабатывающих проблемы речевой коммуникации – теория речевого воздействия, т. к. коммуникативный потенциал текста определяется прежде всего используемым автором набором средств и приемов речевого воздействия.

В категориальном аппарате коммуникативистики базовым является понятие «речевая деятельность». Именно речевая форма высказывания, текста определяет его информационную, воздействующую и коммуникативную функции.

Институциональным признаком текстов, формирующих публицистический дискурс, является их воздействующая направленность, которая определяет специфику воплощения категории авторства и систему

1 Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики. Назрань, 2001. С. 197.

контактоустанавливающих средств. Этот признак формировался исторически, под влиянием многих обстоятельств, национальных традиций, определяющих формы речевой коммуникации в публичном пространстве в том числе. В настоящее время данный дискурс подвергается значительной модернизации.

Постоянное возрастание интенсивности воздействия на современного человека, активности вовлечения его в самые разнообразные коммуникативные процессы, как следствие, заинтересованность в разработке новых алгоритмов речевого воздействия и обновление представления о публицистическом дискурсе и определяет **актуальность** данного исследования.

Новизна исследования определяется не только отсутствием специальных лингвостилистических работ, посвященных публицистике Захара Прилепина, но и попыткой обновления уже описанного корпуса контактоустанавливающих средств и средств воплощения категории автора, функционирующих в поле речевого воздействия.

Объектом исследования являются публицистические тексты Захара Прилепина. В рамках данной выпускной квалификационной работы для анализа использовались 45 эссе (2011- 2015 годы).

Источником **эмпирического материала** послужили публицистические сборники З. Прилепина «Я пришел из России» (2011 г.), «К нам едет Пересвет» (2012 г.), а также статьи из информационно-аналитического интернет-издания «Свободная Пресса» (2015 г.): «Кровь поет, ликует почва», «Больше ничего не будет», «Десять лет без права переписки», «Русские люди за длинным столом», «Пролеты и проруби», «Кто виноват – колобок?», «Господин президент, не выбрасывайте блокнот!», «Женщина, тужься на боль!», «Почему я не убил Ельцина», «Мы знаем, чем все это закончится», «Глушь» и другие.

Предмет исследования – элементы речевой формы публицистических произведений, обеспечивающие их высокие коммуникативные возможности.

Цель данной работы заключается в выявлении специфики приемов, средств речевого воздействия, определяющих коммуникативный потенциал публицистических текстов Захара Прилепина.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

– создание теоретической базы исследования;

– изучение этапов становления риторической науки как базы современной теории речевого воздействия;

– описание традиционных лексических, грамматических, синтаксических приемов, средств речевого воздействия и манипулирования;

– обоснование жанровых предпочтений публициста;

– анализ специфики применения известных речевых контактоустанавливающих и воздействующих средств и приемов, текстового воплощения категории авторства;

– выявление связи воздействующих компонентов публицистического текста с творческой индивидуальностью автора.

Методы исследования: В процессе исследования использовались исторический, сопоставительный, структурно-функциональный, описательный методы, а также современные аналитические методики, разработанные в русле интенциональной стилистики.

Методологическую базу исследования составляют труды Аристотеля, М. В. Ломоносова, а также работы современных лингвистов и психолингвистов: А. А. Даниловой, Т. М. Дридзе, Л. Р. Дускаевой, О. С. Иссерс, Г. А. Копниной, Е. А. Стернина, Г. Я. Солганика, Е. Ф. Тарасова и других.

Структура выпускной квалификационной работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. В первой главе «Коммуникативный потенциал публицистического текста как научная проблема» реферативно представлены основные положения теории публицистического текста, существующие научные подходы к ключевым проблемам коммуникативной стилистики и

теории речевого воздействия. Здесь же рассмотрены основные этапы формирования риторики как предтечи науки о речевом воздействии, эволюция научного представления о воздействующей речи. Во второй главе «Средства формирования коммуникативного потенциала в публицистических текстах Захара Прилепина» анализируются жанровые предпочтения Захара Прилепина, жанр эссе рассматривается как презентующий творческую индивидуальность автора. В заключении сформулированы выводы.

Глава 1 Коммуникативный потенциал публицистического текста как научная проблема

1.1. Коммуникативистика и медийное речеведение: точки пересечения, актуальные проблемы и ключевые понятия

Коммуникативистика – относительно новая научная дисциплина. Если в Европе и США она оформляется в начале XX века[2], то активно развиваться в России она начала только в постсоветское время под влиянием западных научных представлений.

Сегодня коммуникативистика – это дисциплина, соприкасающаяся с широким комплексом отраслей научного знания. С. В. Лебедев определяет коммуникативистику как научное знание, изучающее информационные связи в обществе, методы, механизмы и технологии их образования, а также весь спектр формальных и неформальных коммуникативных практик в социуме[3]. Основу коммуникативистики составляют проблемы информационной коммуникации и результаты ее воздействия на окружающую жизнь. Исходя из этого, мы можем определить предмет коммуникативистики – это вся гуманитарная сфера в целом, так как интересуемая нас научная дисциплина может существовать в рамках различных научных направлений, используя их методологическую и инструментальную базу. Ключевой проблемой коммуникативистики является речевое взаимодействие между субъектом речи и адресатом, способность участников общения не только обмениваться информацией, но и воздействовать друг на друга.

Под потенциалом понимают совокупность средств, возможностей, условий, необходимых для поддержания чего-либо[4]. Таким образом, учитывая особенности коммуникативистики, под коммуникативным

---

2 Лебедев С. В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки: автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. полит, наук. М., 2013. С. 89.
3 Лебедев С. В. Указ. соч. С. 22.
4 Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М., 1935-1940.

потенциалом мы понимаем те текстовые характеристики, которые позволяют рассматривать текст как коммуникативную единицу. Специфика этой категории заключается в её антропоцентрическом характере, то есть привычные единицы языка рассматриваются с учетом человеческого фактора. Именно эти принципы предопределили выбор жанра исследуемых в рамках данной работы текстов.

Интерес к коммуникативному потенциалу публицистического текста определяется спецификой данной текстовой формы. На наш взгляд, публицистика есть высшая журналистская форма, предполагающая выражение творческой индивидуальности за счет обращения к актуальной проблематике и за счет оригинальной авторской формы. Публицистический текст как своеобразная форма выражения авторской оценки окружающей действительности, оказывающая побудительное воздействие на читателя, обладает рядом специфических свойств, составляющих основу коммуникативного потенциала. Так, Л. Р. Дускаева пишет, что в системе публицистических жанров «определяются цели и задачи общественной деятельности; предлагаются способы решения социальных проблем; сопоставляются варианты решения этих проблем и обсуждаются варианты программ с тем, чтобы стимулировать выбор решений, оптимальных в данных условиях»[5]. Таким образом, основное свойство публицистического текста – аналитичность и диалогичность, способность субъекта речи взаимодействовать с читателем, и воздействовать на него. Поэтому, на наш взгляд, разговор о коммуникативном потенциале предполагает обращение внимания к целому комплексу текстовых характеристик, направленных на реализацию в тексте воздействующей интенции.

В современном языкознании под речевым воздействием часто понимают науку об эффективном общении. И. А. Стернин определял речевое воздействие как «науку о выборе подходящего, адекватного способа речевого

---

5 Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. / Под ред. М. Н. Кожиной. СПб., 2012. С. 274.

воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта»[6].

Однако, что именно следует понимать под подходящими и адекватными способами воздействия? Кто и когда определил норму «правильности» в использовании приемов эффективного общения? Для понимания специфики современной структуры науки о речевом воздействии следует обратиться к истории. Исследователи не выделяют точного года, когда сформировалась наука о речевом воздействии. Они отмечают, что её развитию способствовало постепенное становление общества, накопление новых знаний, а также глубокая рефлексия по поводу собственной речи.

Современные лингвисты и филологи, исследуя развитие и становление науки о речевом воздействии, обращаются к древности. Предтечей науки об эффективном общении стала риторика, положившая свое начало во времена Древней Греции и Рима, в V в. до н. э.

Как отмечают историки, государственное и общественное устройство в городах-государствах Эллады требовало от его жителей навыков речевой самозащиты. Так, например, О. С. Иссерс пишет о том, что политику надо было представить свои идеи более убедительно, чтобы привлечь на свою сторону народ, полководец должен был обладать искусством воодушевить войско[7]. Таким образом, риторика учила эффективному публичному выступлению, убеждению, а также – защите. Важным аспектом здесь является тот факт, что ораторскому искусству обучали. Софисты открывали для своих учеников основы манипулирования, воздействия на «слабые стороны» собеседника; они стремились «сделать слушающих своими рабами по доброй воле, а не по принуждению»[8]. Одним из первых теоретиков риторики стал Аристотель. В работе под названием «Риторика» он

6 Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, 2012. С. 180.
7 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
8 Иссерс О. С. Указ. соч. С. 173.

сформулировал основные положения науки об эффективном общении, описал способы, приемы и причины воздействия на человека при помощи речи. Аристотель определял риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого предмета. Она - метод для нахождения доказательств»[9]. Важным, на наш взгляд, представляется то, что риторика рождалась как наука о методах убеждения, уже в древности мастера софисты уклонялись от истинного значения и смыслов. В этом содержится её принципиальное сходство с современной наукой о речевом воздействии. Это свойство риторики впоследствии не принималось Сократом, его ученик Платон говорил о том, что в будущем риторика может стать орудием для обмана: «риторика вторична по отношению к истинным знаниям, убеждение, оправдание не равны им; она двулика: ей важно знать мнение толпы»[10].

Риторика как наука об ораторском искусстве нашла свое продолжение на территории Древнего Рима. Многие исследователи связывают развитие римского искусства красноречия с Цицероном и Квинтилианом. Особенность восприятия риторики древнеримскими философами и, в частности, Цицероном, на наш взгляд, заключается в том, что они считали принципиально важным изучение и развитие философии при помощи риторики: «обязанность философа - изучение риторики и разработка её теории, потому что именно риторика может превратить философию в практическую философию»[11].

В период Средневековья риторика начинает оформляться как учебная дисциплина, во Франции и Англии появляется университетское красноречие. Несмотря на стремительное развитие ораторского искусства в европейских странах, на территории Древней Руси первый учебник по риторике датирован 1620 годом. Однако, как отмечает В. И. Аннушкин, настоящий перелом в содержании риторики смог произойти только с началом петровских

---

9 Аристотель Поэтика. Риторика. СПб., 2007. С. 352.
10 История риторики. Учебное пособие. /сост.: Т. В. Дофман. Магнитогорск, 2006. С. 86.
11 История риторики. Указ. соч. С. 18.

преобразований[12]. На развитие русской риторики оказали влияние Михаил Усачев и его «Риторика», Стефан Яворский «Риторическая рука», а также Андрей Белобоцкий и Козма Афоноиверский. Однако в рамках данного исследования отдельное внимание следует уделить трудам М. В. Ломоносова. В 1748 году он пишет книгу «Краткое руководство к красноречию». Особый интерес для нас здесь представляет понятие «красноречие». М. В. Ломоносов определяет его как «искусство о всякой данной материи красно говорить и писать и тем других преклонять к своему об оной мнению»[13]. Следовательно, М. В. Ломоносов понимает риторику не как науку, а искусство в большей степени. Такое понимание риторики ново и расходится с европейскими теоретическими школами. В то же время, для риторики как искусства также важно «склонить» собеседника в свою сторону. Таким образом, мы можем сделать вывод, что воздействующая интенция была основополагающим принципом риторики на протяжении всей истории её формирования в разных странах и теоретических школах. После понятие «красноречие» мы встречаем в трудах М. М. Сперанского – «Правила высшего красноречия»[14].

Возможно, именно взгляд М. В. Ломоносова определил вектор развития риторики в России, обозначил её характер. Так, например, уже в XIX в. риторика выведена из состава преподавания, как отмечает В. И. Аннушкин, язык изучается как лингвистическая система, а риторика развивается в отношении к художественной и научной речи[15].

Следующий этап развития риторики в России – период Советской власти. Это время становления и господства пропагандистской машины, риторика развивается в политической сфере. На наш взгляд, в XX в. понимание риторики в больше степени было созвучно с древнегреческим, когда ораторское искусство было главным оружием политиков. Свидетельством этого может также быть господствовавшее в тот период

12 Аннушкин В. И. История русской риторики. М., 2002. С. 416.
13 Аннушкин В. И. Указ. соч. С. 115
14 Аннушкин В. И. Указ соч. С. 116.
15 Аннушкин В. И. Указ. соч. С. 230.

деление риторики на аналитическую и политическую, как отмечал Аристотель.

Сегодня мы наблюдаем в риторике новый вектор развития, изменение ее теоретических и практических основ, которое приводит к становлению нового научного направления – к возникновению теории речевого воздействия. Эта теория получила свое развитие не только в трудах лингвистов и филологов, особый вклад в науку об эффективном общении вложили исследования в таких областях знаний как психология, социология, философия, культурология, реклама, банковское дело и многие другие. Основная черта современной науки о речевом воздействии и коммуникативной стилистике, соответственно – их интегральный характер. Для теоретического осмысления и практической реализации воздействующих компонентов в тексте в современной науке используют знания из разных областей.

Теория речевого воздействия – это новое научное направление, предметом которого выступает эффективность общения[16]. Основным компонентом в процессе речевого воздействия является речевое общение, однако, его позиция в структуре научного знания различными учеными понимается по-разному. Во второй половине XX в. происходит трансформация в понимании функциональной направленности речевого общения. Лингвисты и психолингвисты пересматривают привычную модель «идеального говорящего-слушающего»[17], так как начинает исследоваться феномен включенного слушателя. Речь как поступок, имеющий целевое назначение, привлекла к себе в 60-е годы внимание лингвистов за рубежом, развивавших так называемую теорию речевых актов. Это были Л. Остин, Дж. Серль, П. Стросон и др[18]. Осознание важной роли в процессе общения реципиента, его интерпретации сообщения послужило толчком к изучению

16 Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, 2012. С. 180.
17 Хорошилова С. П. Психологическая природа эффективности речевого воздействия на человека: монография. Новосибирск, 2014. С. 102.
18 Хорошилова С. П. Указ. соч. С. 53.

прагматической функции речи. Таким образом, уже более 50 лет лингвисты и психологи по всему миру изучают воздействующий потенциал речи и его специфику. Так, например, И. А. Стернин рассматривает общение как составной компонент речевого воздействия, в то время как О. С. Иссерс и Е. Ф. Тарасов определяют речевое воздействие в широком смысле слова как «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиции одного из коммуникантов»[19]. То есть, Е. Ф. Тарасов рассматривает любую форму общения как речевое воздействие, в то время как И. А. Стернин полагает, что общение входит в структуру речевого воздействия наряду с социально-коммуникативной ролью, коммуникативными барьерами, коммуникативной позицией и так далее, а О. С. Иссерс определяет речевое воздействие как общение лишь в «большинстве случаев», хотя в своем учебном пособии ссылается на утверждение Р. Блакар о том, что «выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект»[20]. На наш взгляд, выделение нескольких ключевых понятий, таких как общение, манипулирование, позиция и т. д., в структуре науки о речевом воздействии позволит наиболее глубоко и полно исследовать данное явление. В рамках исследовательской работы мы не опровергаем утверждение о том, что всякое общение может носить воздействующий характер, мы стараемся определить, в каких случаях оно может быть воздействующим, а в каких – нет. Понимание речевого воздействия как любого общения нам представляется не совсем точным.

Общение является неотъемлемой частью речевого воздействия и основой коммуникативного потенциала, потому что оно осуществляется за счет передачи вербальных сообщений и реализуется посредством восприятия сообщения в единстве его формы и содержания. Именно этот процесс обеспечивает возможную эффективность воздействия субъекта на адресата.

19 Е. Ф. Тарасов Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986. С. 247.

20 Цит. По Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

Повторяем, не всякое общение является речевым воздействием. Так, И. А. Стернин выделяет ряд признаков, которые наделяют процесс передачи информации воздействующей интенцией. В первую очередь, исследователь отмечает осознанный и целенаправленный характер общения. И. А. Стернин также выделяет такой признак, как рациональная оформленность информационного обмена. Под этим признаком он понимает словесное выражение информации, удовлетворяющее требования определенного кода, то есть осуществляющееся на одном языке, содержащее обоюдоизвестные языковые единицы и структуры[21]. И заключительный компонент, по мнению ученого, это эмоциональный контакт между участниками общения, который позволяет определенным образом идентифицировать друг друга. На наш взгляд, именно такое восприятие общения в структуре речевого воздействия является наиболее полным и точным, потому что выделенные исследователем признаки позволяют нам определять методологию и выявлять закономерности и специфику речевого воздействия в зависимости от коммуникативной ситуации, субъекта общения и реципиента.

Сложность исследования коммуникативного потенциала и специфики речевого воздействия заключается в существовании целого ряда подходов к рассмотрению текста: лингвистического, психологического, психолингвистического и др. Если лингвистический подход в качестве объекта своего анализа рассматривает текст с его языковыми средствами, то психологический – уделяет больше внимания антропоцентрическим компонентам речевого воздействия, таким как мотивация, потребности, модель мира и другие.

При рассмотрении речевого акта как многоуровнего явления психологи обращают внимание на психологическое состояние субъекта речи, на его социальный статус, интересы, потребности, а также на слушающего, на его социальный статус, взгляды и мотивацию. Исследование речевой деятельности при психологическом подходе осуществляется при помощи

21 Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, 2012. С. 180.

соответствующей психологической структуры, которая включает в себя: мотив, цель, средство и конечный результат[22]. Мотивационная сфера сознания человека включает в себя целый комплекс составных компонентов: мотивация, потребности, интересы, желания, ценности. В современном языкознании мотив рассматривается как система факторов, которая влияет на выбор и поведение человека. Также психологи рассматривают мотив речевого акта как желание быть понятым другим человеком, другими людьми. Очевидно, что определение мотива играет важную роль для осуществления эффективной коммуникации. О. С. Иссерс пишет, что деятельность человека определяется осознаваемыми или неосознаваемыми мотивами и, следовательно, зависит от анализа личностью своих потребностей[23]. Помимо устоявшейся в психологии системы потребностей, предложенной американским психологом А. Маслоу, современные исследователи выделяют также скрытые потребности, воздействие на которые обеспечивает общению максимальную эффективность. К скрытым потребностям в современной психологии относят: потребность в эмоциональной безопасности, потребность любить кого-то, уверенность в собственной значимости, связь с истоками, потребность проявиться себя в творчестве и другие. На наш взгляд, с наибольшей очевидностью ориентация на скрытые потребности человека осуществляется в рекламных текстах. Например, в выражениях «Вы этого достойны, LOREAL» (потребность в собственной значимости), «Невозможное возможно, Adidas» (потребность чувствовать себя сильным и самостоятельным).

Первые попытки классифицировать типы речевого воздействия наблюдаются еще в древности, например, Аристотель разделял риторику на аналитическую и политическую. В современной науке также существует ряд классификаций речевого воздействия на человека. Эту область исследуют Л. С. Школьник, В. Ф. Петренко, Е. Ф. Тарасов и другие. На наш взгляд, в

22 Хорошилова С. П. Психологическая природа эффективности речевого воздействия на человека: монография. Новосибирск, 2014. С. 102.
23 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

наибольшей степени соответствует специфике антропоцентрического подхода при исследовании воздействующей речи классификация, разработанная российским психологом В. Ф. Петренко. Он выделял три типа речевого воздействия. Первый характеризуется изменением отношения субъекта к некоему объекту без изменения категориальной структуры индивидуального сознания субъекта[24]. К данному типу мы можем отнести рекламу, лозунг, слоган и т. п. Главная задача данного типа заключается в изменении отношения реципиента к объекту, за счет эмоционального или оценочного воздействия на него.

Второй тип речевого воздействия заключается в формировании общего эмоционального настроя, мироощущения реципиента. То есть, в данном случае воздействие направлено не на формирование отношения к какому-либо отдельному образу, а на создание единого взгляда, понимания, эмоционального состояния. В качестве примера В. Ф. Петренко приводит лирическую поэзию, политическое воззвание или гипнотическое воздействие.

Третий тип речевого воздействия автор связывает с изменением структуры индивидуального сознания, введением в него новых категорий и конструктов[25]. К данному типу мы можем отнести научную литературу, методические пособия, а также, на наш взгляд, сюда относится и выступление лектора, так как в основе этого типа воздействия, представляется нам, лежит информирование с элементами внушения и убеждение, почти полностью лишенное эмоциональной окраски.

Таким образом, на основании комплексного анализа научного понимания речевого воздействия нам удалось выделить основные его признаки: процессуальный характер явления, целенаправленность, динамичность, социальная и воздействующая направленность. Под речевым воздействием мы понимаем систему социального взаимодействия, в результате которой субъектом речи осуществляется передача информации,

24 Хорошилова С. П. Психологическая природа эффективности речевого воздействия на человека: монография. Новосибирск, 2014. С.102.
25 Хорошилова С. П. Указ. соч. С. 76.

формирование у реципиента определенной картины мира, а также побуждение реципиента к какому-либо действию. Направленность речевого воздействия и форма ее речевого воплощения определяют коммуникативный потенциал высказывания или текста, который раскрывается в текстовых проявлениях категории автора и особенностях его взаимодействия с адресатом.

1.2. Речевое воздействие и речевое манипулирование в свете коммуникативистики

В рамках теории речевого воздействия рассматривается чрезвычайно актуальная сегодня проблема речевого манипулирования. Нарду с речевым воздействием, это явление часто встречается в медийных и публицистических текстах, потому что в процессе коммуникации автор может осуществлять как речевое воздействие, так и речевое манипулирование.

В современной коммуникативистике существует ряд подходов к понимаю этих явлений: от рассмотрения их тождественно равными до попыток включить одно в структуру другого. На наш взгляд, для понимания специфики речевого воздействия и речевого манипулирования необходимо рассмотреть их инструментальный аппарат, исследовать характерные приемы и выделить, какие из них в наибольшей степени соответствуют публицистическому дискурсу и определяют коммуникативный потенциал.

Одним из основных компонентов речевого манипулирования и воздействия являются категории объекта и субъекта. По мнению И. А. Стернина, предметом науки о речевом воздействии является именно эффективность общения. Объектом – процессы регулирования деятельности человека или группы людей при помощи речи, а также общая прагматическая установка на оптимизацию речевого воздействия[26]. О. С. Иссерс в понятие

26 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

объекта речевого воздействия включает также действие, при котором человек или группа лиц испытывает на себе влияние других, которое осуществляется в вербальной форме. Л. Л. Федорова рассматривает речевое воздействие как однонаправленное речевое действие[27], следовательно, в её понимании объект речевого воздействия близок по своему положению к объекту речевого манипулирования. Также, например, Р. Лакофф утверждает, что дискурс следует считать персуазивным лишь в том случае, когда он неравноправный, то есть когда попытка речевого воздействия осознанно осуществляется одним из коммуникантов[28].

Со всей очевидностью мы можем утверждать, что понимание речевого воздействия как воздействия одного человека на другого или группу лиц при помощи речи или невербальных средств, сближает данное явление с таким понятием как речевое манипулирование. Однако, И. А. Стернин и А. А. Данилова включают речевое манипулирование в структуру речевого воздействия как составной компонент данного явления, рассматривая речевое манипулирование как явление, обладающее рядом общих с речевым воздействием признаков[29]. Ряд исследователей, таких как А. А. Данилова, Г. А. Копнина, под речевым манипулированием понимают скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи[30].

Таким образом, на уровне дефиниции мы можем выделить основные признаки речевого манипулирования: скрытое воздействие, вводящее в заблуждение. В то время как под речевым воздействием понимается любая форма эффективного речевого общения. Определяет значение скрытого воздействия – основного признака манипулирования – в своей работе Г. А. Копнина. Она отмечает, что конечная цель манипулятора и факт самого

---

27 Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения. // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 46-50.

28 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

29 Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011. С. 232.

30 Данилова А. А. Указ. соч. С. 26.

воздействия должны быть не замечены объектом манипуляции, у которого при этом обязательно сохраняется иллюзия самостоятельности принятия решений и осуществления действий[31].

На наш взгляд, положение объекта при речевом воздействии отличается от положения при речевом манипулировании, потому что при воздействии на объект субъект также оказывается включен в коммуникативную ситуацию с воздействующим компонентом, следовательно, он также может быть подвержен воздействию. При анализе подходов к пониманию значения объекта в процессе речевого воздействия, мы сделали вывод о том, что объект рассматривается как активный участник речевого воздействия, то есть он не только воспринимает информацию, но и перерабатывает её и отдает ответную реакцию, следовательно, также осуществляя воздействующую интенцию. Так, например, И. А. Стернин отмечает, что эффективность речевого воздействия достигается за счет коммуникативного равновесия, которое осуществляется соблюдением участниками общения коммуникативных ролей. Следовательно, эффективно то общение, в котором участники взаимоуважаемы и открыто поддерживают разговор. В этом, на наш взгляд, заключается принципиальная разница между пониманием объекта в речевом воздействии и манипулировании, так в последнем объект рассматривается не как самостоятельная и мыслящая личность, а как «вещь»[32], пассивно воспринимающая информацию. Такое различное положение объекта объясняется характером воздействия: при манипулировании оно носит скрытый характер убеждения, когда человека побуждают сделать то, что он, возможно, не хотел или даже не думал об этом. В то время как при речевом воздействии, влияние на объекта осуществляется за счет убеждения в какой-либо точке зрения, и наличие обратной связи в данном аспекте кажется необходимым условием. Однако такое понимание речевого манипулирования и воздействия не свидетельствует о том, что одно явление является чем-то

31 Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М., 2007. С. 170.
32 Копнина Г. А. Указ. соч. С. 57.

положительным, другое, напротив, отрицательным. Например, И. А. Стернин отмечает, что речевое манипулирование – важный компонент современной жизнедеятельности. Он пишет, что манипулятивное воздействие как тип речевого воздействия не является ругательным словом или морально осуждаемым способом речевого воздействия. Например, обучение и воспитание детей и молодежи – в значительной степени необходимая для общества манипуляция[33]. Психолог Е. Л. Доценко отмечает, что манипуляция необходимый инструмент при стремлении положительно воздействовать на человека с зависимостью, например, когда речь идет о курении, алкоголе, компьютерных играх и другом. Эта характеристика принципиальных в публицистическом дискурсе явлений представляется нам чрезвычайно важной.

Ключевым компонентом формирования коммуникативного потенциала текста является категория автора. В публицистике Захара Прилепина она формируется за счет определения автором своей сверхзадачи: пропаганды просветительских ценностей, актуализации нравственных и культурных вопросов. Соответственно, можно предположить, что при создании текста Захар Прилепин выбирает те речевые приемы воздействия или манипулирования, которые в большей степени соответствуют его намерению и направлены на повышение эффективности высказывания.

Следующим важным компонентом в структуре речевого воздействия и манипулирования является субъект. Если исходить из сложившегося в системе современного языкознания понимания понятия речевое воздействие, то субъект – это человек, который регулирует деятельность своего собеседника при помощи вербальной и невербальной речи. При речевом манипулировании субъект также оказывает воздействие на собеседника. Но в данном случае многие филологи и психологи делают больший акцент на этическую составляющую общения. По мнению А. А. Даниловой, скрытое манипулятивное воздействие в ситуации, когда возможно открытое или

---

33 Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, 2012. С. 180.

прямое воздействие, является нарушением этических норм[34]. Это связано с тем, что в процессе языкового манипулирования адресат нарушает такие правила, как честность, скромность – «запрет на публичные оскорбления и бездоказательные прямые оценки»[35] – и предусмотрительность – «запрет на информирование о мнимой опасности, запрет на введение паники»[36]. Исследователь отмечает, что это свойство языкового манипулирования сближает данное явление с софистикой, которая, как известно, не ставила перед собой задачи определения истины, первоочередную роль играл именно воздействующий потенциал.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в процессе классического языкового воздействия субъект речи использует определенную систему приемов для оптимизации общения, повышения его эффективности, направления его в новое, нужное русло, не скрывая при этом смысл, смещая акценты или укрывая истинные факты. В то время как манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент[37]. В этом, на наш взгляд, принципиальное отличие языкового воздействия от манипулирования. Разграничение данных понятий представляется нам важной задачей, так как связано со спецификой публицистической речи. Играя ключевую роль в формировании массового сознания, пропаганде просветительских ценностей и реализации авторских задач, публицистика должна руководиться благими принципами, соответствующими этическим нормам.

Важную роль в понимании специфики языкового манипулирования играет также система смежных понятий. Так, например, Г. А. Копнина

---

34 Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011. С. 232.

35 Данилова А. А. Указ. соч. С. 29.

36 Данилова А. А. Указ. соч. С. 31.

37 Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М., 2014. С. 344.

выделяет в структуре речевого манипулирования также речевую агрессию, речевое насилие и речевую демагогию. Под первым определением Г. А. Копнина понимает «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»[38]. В таком случае, в отличие от языкового манипулирования, языковое насилие не ставит цели скрыто воздействовать на чье-либо поведение или установки, основная его цель – дискредитировать, осмеять или оскорбить. Под языковым насилием понимают «явное и настойчивое навязывание адресату определенной точки зрения, лишающее его выбора и возможности сделать собственный вывод»[39]. Данное явление можно рассматривать как один из видов языкового манипулирования, которые осуществляется в более грубой и явной форме и ставит перед собой навязывание авторского мнения в первую очередь. И, наконец, языковая демагогия рассматривается учеными как «навязывание адресату одностороннего осмысления или оценки предмета обсуждения»[40].

В рамках исследования для нас представляется принципиально важным понимание сущности данных явлений, так как их реализация напрямую зависит от авторского воплощения в тексте, что играет ключевую роль при формировании коммуникативного потенциала. Рассмотрев смежные с языковым воздействием понятия, мы можем сделать вывод о том, что природа языкового манипулирования и других явлений данной направленности в значительной степени отличается от речевого воздействия и по своему характеру, и по форме, и по тональности.

На наш взгляд, использование в тексте языкового манипулирования напрямую зависит от авторского намерения и мастерства, так как оно, с одной стороны, может снизить качество высказывания и даже оказать разрушительное влияние на общественное сознание, а с другой – манипулятивные приемы в речи могут обеспечить высказыванию большую

38 Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007. С. 170.
39 Копнина Г. А. Указ. соч. С. 89.
40 Копнина Г. А. Указ. соч. С. 90.

эффективность, выказать авторский профессионализм, а также повысить уровень доверия между субъектом речи и реципиентом. Все это зависит от творческой индивидуальности писателя.

1.3. Теория речевого воздействия: терминологическая система

Воздействующая природа коммуникативного потенциала публицистического текста идентифицируется речевыми приемами, используемыми автором в тексте. Диалогичность публицистического текста определяет воздействующий речевой арсенал. Под диалогичностью мы понимаем взаимодействие в тексте двух или нескольких смысловых позиций[41], создание многоголосья за счет включения читателя в авторский монолог. Диалогичность публицистического текста определяет воздействующий характер коммуникативного потенциала и, как следствие, взаимосвязь воздействующих приемов с автором и адресатом.

Приемы и стратегии языкового воздействия исследуются в различных областях знаний как для того, чтобы повысить эффективность высказывания, так и для того, чтобы защитить себя от влияния извне. В литературе, журналистике, блогосфере все большую популярность приобретают разоблачительные тексты; сферы экономики, бизнеса и рекламы наращивают стратегический потенциал воздействия, создавая новые воздействующие приемы и методы. Всё это свидетельствует об актуальности исследования тактик и стратегий языкового воздействия.

В понимание речевого воздействия как науки об эффективном общении включается система приемов и стратегий, посредством которых осуществляется языковое воздействие. Раскрыл значение терминологического словосочетания «эффективность общения» И. А. Стернин. По его мнению, эффективное речевое воздействие позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с

41 Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб., 2012. С. 274.

собеседником[42]. Важным, на наш взгляд, является тот факт, что в процессе эффективного общения субъект речи реализует сразу две функции: информационную и коммуникативную, при этом сохраняя коммуникативное равновесие. Именно равный и позитивный характер речевого воздействия отличает данное явление от языковой манипуляции, отражает его специфику и обеспечивает достижение целей субъекта. Говоря об эффективности общения И. А. Стернин также затрагивает понятие результативности воздействия, которое включено в понятийный аппарат речевого воздействия. Он утверждает, что результативное и эффективное общение не тождественные понятия, так как последнее подразумевает под собой сохранение коммуникативного равновесия, а первое – нет[43]. В рамках данного исследования коммуникативное равновесие представляется принципиально важным компонентом речевого воздействия, так как оно позволит определить специфику и эффективность речи автора-публициста. Для понимания того, как реализуется коммуникативное равновесие в целом, и прагматическая функция в частности, необходимо исследовать приемы и тактики речевого воздействия. В рамках данной ВКР будут рассмотрены вербальные стратегии, так как предметом анализа выступают публицистические тексты.

Основу системы речевого воздействия составляют приемы и стратегии. Толковый словарь Д. Н. Ушакова определяет понятие «прием» как совокупность средств и ходов, которыми пользуется автор при устроении своего произведения[44]. Таким образом, в рамках выпускной квалификационной работы мы будем рассматривать прием как способ построения высказывания или текста, реализующий ту или иную воздействующую тактику. В свою очередь, термин «стратегия» определяется больше как наука о войне. На наш взгляд, понимание «стратегии» как плана действий наилучшим образом соответствует тональности речевого воздействия. Однако в данной работе под стратегией мы будем понимать

42 Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, 2012. С. 180.
43 Стернин И. А. Указ. соч. С. 36.
44 Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1935-1940.

«деятельность, направленную на получение планируемого результата с учетом перспективы долговременного развития»[45], так как именно эта дефиниция наилучшим образом отражает процесс речевого воздействия, его специфику и технологию. Также в рамках данной работы мы будем рассматривать такое понятие как тактика речевого воздействия. Г. А. Копнина определяет данное явление как речевое действие, которое соответствует определённому этапу в реализации той или иной стратегии и направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору[46]. В результате, мы можем сформулировать систему, которая обеспечивает реализацию речевого общения: основу данной системы составляет стратегия, она определяет тактику, которая выражается в использовании автором необходимых приемов.

Е. В. Шелестюк пишет о том, что использование автором тех или иных средств определяется предметными целями говорящего, включающими: изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструктов, влияние на поведение, изменение эмоционального настроя[47]. Таким образом, определяющим принципом речевого поведения автора является его цель, она определяет стратегии, тактики и приемы в тексте.

В современном языкознании существует ряд стратегий речевого воздействия. Так, например, Г. А. Копнина при определении сущности стратегии опирается на исследования О. Л. Михалёвой, которая выделяла три основные стратегии: на повышение, на понижение и стратегия нейтральности[48]. Под стратегией на понижение исследователь понимала намеренное создание отрицательного образа чего-либо. О. Л. Михалева отмечала, что для реализации данной стратегии используются тактики:

---

45 Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1935-1940.
46 Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007. С. 170.
47 Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М., 2014. С. 344.
48 Цит. По Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007. С.170.

анализ – «минус», то есть разбор ситуации, в результате которого автор имплицитно выражает отрицательную оценку описываемому объекту; тактика обвинения – приписывание конкретному лицу какой-либо вины; тактика обличения – приведение фактов и доказательств, подтверждающих чью-либо виновность; тактика оскорбления и угрозы. О. С. Иссерс также рассматривала стратегию на понижение как основную в процессе речевого воздействия. В её понимании понижение находится в его прямой взаимосвязи с повышением. То есть стратегию на понижение она называет стратегией интенсификации, которая предполагает выпячивание чужих недостатков и своих достоинств – игра на понижение для субъекта речи становится игрой на повышение[49]. На наш взгляд, такое понимание данной стратегии наибольшим образом соответствует специфике современного публицистического текста, так как современная тенденция разоблачительных текстов направлена не только на понижение, но и на открытие новых «героев». Следовательно, в рамках данной работы стратегия интенсификации представляется наиболее актуальной при анализе специфики речевого воздействия. Противоположная стратегии на понижение – стратегия на повышение. О. Л. Михалева выделяет в рамках данной стратегии ряд тактик: тактика презентации – представление кого-либо в выгодном свете; тактика неявной самопрезентации – представление себя в привлекательном свете; тактика отвода критики и самооправдания[50]. В свою очередь, О. С. Иссерс называет эту стратегию – «на понижение», так как она направлена на затушевывание своих недостатков и выпячивание чужих достоинств, то есть опять-таки исследователь рассматривает стратегию на понижение в её взаимосвязи с повышением[51]. На наш взгляд, понимание двустороннего характера стратегии речевого воздействия в наибольшей степени соответствует специфике современного коммуникативного поля, эффективность которого зависит от интерактивности общения.

49 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
50 Цит. по Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007. С. 170.
51 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное. пособие. М., 2013. С. 240.

Г. А. Копнина выделяет также стратегию нейтральности, которая реализуется за счет целого ряда тактик: побуждения, кооперации – обращение к адресату с апеллированием к его идеалам и ценностям; тактика размежевания – выявление различий в позициях и мнениях, информирования – приведение данных и фактов без выражения отношения к ним говорящего; тактика обещания, прогнозирования, иронизирования и провокации[52].

Определить и обозначить все существующие стратегии и тактики в современном коммуникативном дискурсе крайне сложно, так как речевое воздействие как явление динамичное, склонно к постоянным изменениями и трансформациям. Однако наша задача заключается в определении общепринятых речевых стратегий, которые функционируют в коммуникативном поле и обеспечивают его эффективность. Так, например, И. А. Стернин дает также общую классификацию тактик речевого воздействия, выделяя среди них тактику доказывания, убеждения, внушения, клянченья, уговаривания, просьбы и приказа[53], которая соотносится с теорией Г. А. Копниной, О. С. Иссерс, А. А. Даниловой и другими. Такое понимание существующих стратегий и тактик является общепринятым.

Важным компонентом любой стратегии является её принцип, то есть основание, то, что лежит в основе любого действия. Так, О. С. Иссерс выделяет два основных принципа: кооперации и некооперации[54]. Особенность последнего заключается в том, что главную роль в процессе коммуникации играет позиция говорящего, а не адресата. На наш взгляд, разделение этих принципов является принципиально важным, так как оно позволит разделить в публицистическом тексте элементы речевого манипулирования и речевого воздействия, следовательно, выявить авторскую позицию, актуализировать категорию авторства. Таким образом, стратегия, тактики и принцип определяют приемы, которые будут использованы для

---

52 Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007. С. 170.
53 Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, 2012. С. 180.
54 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

реализации прагматической функции. Их специфика напрямую зависит от авторской задачи.

Система приемов речевого воздействия на протяжении долгого периода времени переживала значительную трансформацию. Характер и форма конкретных приемов зависели от главенствующих в обществе публицистических традиций, социальных ориентаций, ценностных установок, политического устройства и так далее.

Е. В. Шелестюк выделял несколько речевых актов, при помощи которых осуществляется речевое воздействие: социальное воздействие, воздействие с помощью художественных образов, информирование, доказывание, аргументация, симулированный диалог, уговаривание, призыв, оценка, эмоциональное воздействие. На наш взгляд, ключевой особенностью этих приемов в публицистике является их скрытый характер[55]. В современном медиапространстве существует тенденция имплицитного выражения автором своих идей, так как эксплицитная оценка воспринимается как метод открытого внушения, навязывания, и неизменно вызывает отторжение у массовой аудитории. Имплицитный смысл высказывания реализуется за счет ряда специфических приемов. Так, например, О. С. Иссерс отмечает, что новые оценки и суждения – информацию – в текст нужно вводить постепенно, как бы подготавливая читателя. Для этого существуют «логические предпосылки высказывания – пресуппозиции, которые любой воспринимающий сообщение восстанавливает в соответствие с законами мышления»[56]. В пресуппозиции содержится, так называемый скрытый смысл высказывания, который постигается при помощи логики. Задача публициста – хорошо знать свою аудиторию, чтобы имплицитные высказывания оказывали воздействие, а не создавали в сознании адресата когнитивный диссонанс. О. С. Иссерс выделяет ряд приемов, за счет которых реализуется ввод имплицитной информации в сознание аудитории.

55 Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М., 2014. С. 344.

56 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

Например, семантическая пресуппозиция[57]. Выражение, которое использует автор, может иметь дополнительный смысл, который не всегда открыто читается аудиторией. Так, в эссе «Пролеты и проруби» З. Прилепин пишет: *Радищева затравили. Рылеева удавили. Бабеля застрелили*[58]. Пресуппозиция в данном случае это – авторская идея о судьбе большого таланта в России: «*надо скорей умирать или, в лучшем случае, все для этого делать».* Важно, что пресуппозиция может быть в равной степени как правдивой, так и ложной, отсюда вытекает ряд характерных свойств данного приема. Имплицитная информация не осознается большей частью аудитории как речевое воздействие «извне», она воспринимается как самостоятельно принятое каждым отдельным адресатом решение, а усиливается воздействующий компонент синонимическим рядом, подтверждающим истинность авторского высказывания.

Следующим приемом внедрения имплицитной информации, как отмечает О. С. Иссерс, является «отстройка от конкурентов»[59]. Он реализуется за счет внедрения в сознание аудитории информации о достоинствах одного и, напротив, недостатках другого, но имплицитно. «Отстройка от конкурентов» может реализовываться за счет риторических высказываний или отсылки к общим, возможно, негативным знаниям, известным участникам коммуникации:

Самый распространенный тип патриота в современной России – человек, который никогда не поступится ничем ради своего благополучия. Шагу не ступишь, чтобы не запутаться в вас, патриоты, -– эссе «Маленькая любовь к маленькой стране»[60].

Отстройка от конкурентов в данном случае осуществляется за счет имплицитного выражения авторской оценки, в данном случае – негативной. Один наиболее популярных видов создания имплицитной оценки – это

---

57 Иссерс О. С. Указ. соч. С. 189.

58 Прилепин З. К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 445.

59 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

60 Прилепин З. К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 445.

вопросительная форма. В вопросе можно указать на те явления, которые аудитория могла не заметить, или которых не существует совсем. О. С. Иссерс пишет о том, что «в публицистике, PR и рекламе риторический вопрос – эффективный прием речевого воздействия, поскольку создает иллюзию диалога с адресатом, а по сути навязывает определенное видение ситуации, ее оценку»[61]. То есть риторическое высказывание есть основной прием создания диалогичности в тексте – одной из ключевых составляющих коммуникативного потенциала публицистического текста.

Пресуппозиция в тексте реализуется также при помощи аналогии – подобия, сходства предметов, явлений или ситуаций[62]. В публицистике очень часто встречается аналогия к тому, что близко и понятно аудитории, именно за счет этого достигается эффект воздействия: человек верит в то, что уже было в его жизни, что он переживал. Речевое воздействие также реализуется за счет апелляции к авторитетам и фоновым знаниям. Многие исследователи, в том числе Г. А. Копнина, рассматривают отсылку к авторитетам как традиционный прием манипуляции. На наш взгляд, к манипулятивному воздействию следует относить лишь безадресную отсылку, например, «всем известно», «доказано наукой», «британские ученые доказали» и т. д. , так как в данном случае возможность проверки информации отсутствует, более того автор может намеренно водить адресата в заблуждение для достижения своих целей.

К этому приему также относится создание эффекта «общей правды», когда автор создает иллюзию будто и он, и адресат знают, о чем идет речь и оба в этом уверены, например: *все знают, что; очевидно, что* и т. д. В то время как отсылка к конкретному имени или источнику может использоваться для аргументации или убеждения, не обязательно для достижения исключительно авторских целей.

---

61 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

62 Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1935-1940.

Важную роль в тексте занимают прагматические пресуппозиции, когда в качестве скрытого аргумента могут выступать знания, прецедентные феномены, события – одинаково известные как субъекту речи, так и аудитории[63]. Наличие общей картины мира позволяет создавать работающие образы: «теща» как отрицательный персонаж для мужа; «начальник» как узурпатор для рабочего и т. д.

Таким образом, определяющее значение в публицистических текстах играет формирование автором в сознании читателей картины мира – именно в этом процессе реализуется весь спектр приемов речевого воздействия и находит свое отражение категория автора. Так, Ю. И. Левин предложил ряд приемов, используемых в процессе формирования картины мира. Это, например, аннулирующее преобразование[64]. Мы можем говорить об использовании данного приема в рамках стратегий «на повышение» и «понижение», так как специфическая особенность данного приема заключается в исключении из какого-либо события, личности, явления некоторой информации. Этот прием реализуется за счет умолчания или написания «полуправды» для создания ложного образа ситуации: намеренного преуменьшения хорошего или, напротив, плохого в зависимости от авторской стратегии. Применяя в тексте упомянутые выше стратегии, автор также использует такой прием как фингирующее преобразование, который по своему действию противопоставлен аннулирующему преобразованию, так как направлен на «введение в образ ситуации некоторых несодержащихся там изначально событий или предметов»[65]. Этот тип приемов реализуется при помощи «заговаривания зубов», отвлеченных высказываний, не относящихся к существу дела. Неразрывно связан с этим приемом также прием модального преобразования, который направлен на замену конкретных явлений или ситуаций обобщенными явлениями и данными: здесь может использоваться технология предыдущего приема, а

63 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
64 Цит. По Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
65 Иссерс О. С. Указ. соч. С. 211.

также для создания размытой и неопределенной ситуации автор может ссылаться на какой-либо источник. Это один из самых популярных приемов речевого воздействия, при котором, с одной стороны, информация может быть искажена за счет неправильной ссылки на источник, то есть – ложного цитирования, с другой стороны – при помощи необоснованной отсылки к чьим-либо словам как стремление снять с себя (автора) ответственность.

О. С. Иссерс отмечает, что стратегия замалчивания, преуменьшения может реализовываться с помощью ряда приемов.

1.Моделирование общественно-политической ситуации в темпоральном аспекте, для чего создается упрощенный образ светлого или темного прошлого, настоящего, будущего.

2.Построение образа социума по принципу «свой – чужой», этот прием составляет основу интимизации – специфической черты современной публицистики, связанной с растущей популярностью персонификации медиапространства.

3.Также в рамках стратегии преуменьшения используется прием метафорического осмысления сложной ситуации через простую[66].

В современной лингвистике выделяют несколько уровней функционирования языка: фонемный, морфемный, лексический и синтаксический. На каждом из этих уровней может реализовываться речевое воздействие, но наиболее широкие возможности для влияния обеспечивает слово – лексический уровень. Основная функция слова – номинативная[67], однако, не всегда то, что называют, соответствует его наименованию, именно выбор последнего может нести в себе воздействующую интенцию. О. С. Иссерс отмечает, что номинация – это то, что позволяет человеку понимать окружающий мир. Однако в то же время, это то, что ограничивает наше видение, так как при назывании какого-либо предмета, могут быть упущены его отдельные свойства или характеристики. Соответственно, при

66 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
67 Иссерс О. С. Указ.соч. С. 211.

номинации субъект речи может намеренно сделать акцент на том, что кажется ему принципиально важным, или что, по его мнению, должен понять адресат. Акцентирование внимания на чем-либо принципиальном может носить как позитивный, так и манипулятивный характер. К примеру, лингвисты выделяют эвфемизмы как компонент положительного воздействия[68]: человека с избыточной массой тела можно назвать полный, а не толстый. Номинация *полный* есть эвфемизм, так как оно используется в случае, когда другое слово может быть неудобным или некорректным в той или иной ситуации. Также эвфемизмы могут использоваться, например, для создания положительной реакции на негативное действие: деятельность армии ООН, осуществляющей военные вторжения наряду с другими войсками, называют миротворческой. Если эвфемизмы направлены на смягчение какой-либо ситуации или придание ей нейтрального характера, то такое явление как дисфемизмы, напротив, используются для замены стилистически нейтрального слово грубым, эмоциональным[69]. Так, например, *нападение, война, оскорбление* и другие негативно окрашенные слова в ситуации нейтральной или не соответствующей данной ей номинации оказывают воздействующий эффект, который также может подкрепляться многочисленными повторами. С этим также связано использование в современных СМИ, публицистике, рекламе и публичных выступлениях квазисинонимов. *Либерализация* цен вместо *повышения, реструктуризация* вместо развала, разрушения и т. д. В процессе такой номинации осуществляется интерпретация действительности субъектом речи, в процессе которой адресата намеренно могут вводить в заблуждение[70]. Также одним из популярных сегодня воздействующих приемов является использование отвлеченных понятий: *в ближайшее время, в недалеком прошлом, за границей* и так далее. Или отвлеченных понятий с сильной положительной или негативной оценкой: *воссоединение, добровольно, благотворительность, братский народ* – эти номинации

68 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
69 Арапова Н. С. Эвфемизмы. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
70 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

достигают своей цели за счет неразрывной связи с конкретной ситуацией, событием или чувством, за счет чего также осуществляется воздействие. Использование той или иной номинации зависит от идеологических и этических воззрений автора, а также от его понимания действительности и коммуникативных задач[71]: является ли целью продвижение просветительских ценностей, или же реализация корыстных целей, направленных на удовлетворение исключительно авторских интересов.

Рассматривая потенциал речевого воздействия на лексическом уровне, ряд исследователей выделяют прием использования символов: добра и зла, свободы и подчинения и так далее. О. С. Иссерс называет такую лексику идеологически нагруженной[72]. К этой лексической группе относят все слова, в которых отражается понимание социумом того, что такое хорошо, а что такое плохо. Ряд современных лингвистов рассматривают данный прием в системе речевого манипулирования, нежели воздействия, ссылаясь на примеры из западных СМИ. Так, например, А. А. Данилова говорит о том, что создание «мифа о добре и зле» является плодом американской пропаганды[73]. Америка предстает как образ страны, всегда готовой прийти на помощь «униженным» и «оскорбленным». США – страна, предлагающая миру все самое хорошее и правильное, никогда не выступающая с агрессией, всегда находящаяся на позиции мирового судьи. В данном случае манипуляция реализуется за счет использования эвфемизмов, метафор, повторов и так далее. О. С. Иссерс также рассматривает идеологически окрашенную лексику как воздействующий компонент, но не только в рамках речевого манипулирования. По её мнению, лексика данного уровня направлена на размежевание «своих» и «чужих», не только укрепляя при этом идеологическую основу государства, к примеру, но и формируя тем самым этические и культурные ценности, что является основополагающей функцией

71 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
72 Иссерс О. С. Указ. соч. С. 216.
73 Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011. С. 232.

публицистики[74]. Символы Добра и Зла не только характерные у каждой отдельной страны, более того, они склонны меняться параллельно с обществом и его устройством. То, что вчера казалось негативным, сегодня – может быть примером, и наоборот. Таким образом, категория времени играет особую роль в коннотации слова. Использование автором стилистически окрашенных или, напротив, нейтральных слов может выражать не только субъективную оценку, но и осуществлять воздействующий компонент. Например, использование канцеляризмов при повествовании бытовой ситуации или случая может быть свидетельством пренебрежительного авторского отношения и т. д., О. С. Иссерс называет такое явление стилистическим контрастом.

Эффективное воздействие обеспечивает в тексте также игра слов – этот прием один из самых излюбленных при создании заголовков современных СМИ. Речь идет в данном случае о паронимии или парономазии, омонимии (прим.: *брак оказался с браком*) и многозначности[75]. Подобные приемы автор использует для создания комического эффекта, с одной стороны, для привлечения внимания и «запоминаемости» текста, с другой, а также для воздействия на сознание аудитории. На примере публицистики Захара Прилепина мы рассмотрим, как автор использовал каламбур и игру слов для передачи оценки, создания нужного образа и т.д. Подобной спецификой обладают также фразеологические обороты. В современных СМИ и рекламе можно встретить соединение фразеологизма – устойчивого словосочетания – и авторской мысли. Такое явление относится к игре слов и осуществляет ряд соответствующих функций. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что лексический уровень языка имеет широкие возможности для речевого воздействия. Обозначить все существующие приемы не входило в задачи данного исследования, главное – определить

74 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
75 Иссерс О. С. Указ. соч. С. 212.

систему воздействующих компонентов и выявить, что выбор номинативной единицы определяет авторский воздействующий потенциал.

Речевое воздействие в тексте реализуется и на морфологическом уровне. Ученые пишут о том, что в приемы актуализации грамматических единиц языка сегодня можно встретить во многих текстах в независимости от их жанра и типа[76]. Автор создает, так называемые грамматические окказионализмы, то есть намеренно использует неправильную форму слова, чтобы отойти от привычной формулировки, оказать воздействие на читателя: сделать выражение более запоминающимся, эффективным. Большим воздействующим потенциалом обладает категория времени: использование прошедшего, будущего или настоящего времени может выражать авторскую оценку и нести необходимый для субъекта речи смысл. Например, главной чертой репортажа является использование глаголов в форме настоящего времени, так как именно это создает в тексте эффект «присутствия», а у читателя иллюзию того, что описываемое автором событие происходит в данную минуту. Этот прием позволяет субъекту речи вести за собой собеседника, то есть обращать его внимание на то, что кажется важным и принципиальным, в первую очередь, самому автору. К грамматическим единицам, обладающим воздействующей интенцией, так же относят формы совершенного и несовершенного вида, категорию залога глаголов. Например, О. С. Иссерс отмечает, что «формы несовершенного вида нередко акцентируют внимание на попытках, не увенчавшихся результатом, а иногда и совершенно безнадежных»[77], в то время как совершенный вид, показывая законченность действия, может концентрировать внимание аудитории на каком-либо законченном процессе, подчеркнуть его эффективность, результативность. Использование пассивного или активного залога может использоваться автором для того, чтобы выделить главного участника действия, сконцентрировать внимание на том, что кажется автору

76 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.
77 Иссерс О. С. Указ. соч. С. 217.

принципиальным. Так, субъект речи может сказать: *Сотрудники МЧС спасли пострадавших*, тем самым акцентируя внимание на сотрудниках МЧС, или же: *Пострадавшие были спасены сотрудниками МЧС,* делая акцент на пострадавших, таким образом, будто за свое спасение они отвечали сами. Также, говоря о воздействующем потенциале морфологических единиц, многие исследователи выделяют такое явление как переход относительных прилагательных в качественные. Перенос свойств одного предмета на другой может обладать сильной воздействующей интенцией, так как после перехода слово стало носить оценочное суждение, выражать авторскую позицию. Например: *шелковое платье – шелковое сердце*. Заключительный прием речевого воздействия на морфологическом уровне – словообразовательная игра. О. С. Иссерс пишет, что «экспрессивный потенциал окказионального словообразования позволяет отнести явления словообразовательной игры к средствам речевого воздействия»[78]. Использование привычного слова в необычной форме делает высказывание экспрессивным, привлекает внимание, показывает то или иное явление в неожиданном ракурсе. Например: *обамериканиться, окультуриться.*

Воздействующим потенциалом обладает синтаксический уровень языка: темо-рематическая структура фразы, инверсия и парцелляция. В первом и во втором случае мы имеем дело с порядком слов в предложении. То, что автор выдвигает на первый план, по его задумке, должно в большей степени быть воспринято аудиторией, субъект речи намеренно выделяет что-либо для актуализации внимания и реализации своей коммуникативной задачи. Таким же образом действует намеренное нарушение порядка слов при инверсии. Строй предложения не может быть свободным, каждое слово занимает то место, которое, по мнению автора, наилучшим образом отражает его идею. Парцелляция – это такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно – смысловых единицах, следующих одна за другой после

78 Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013. С. 240.

разделительной паузы[79]. Такое построение высказывания очень часто используется в публицистических текстах, так как позволяет автору расставлять акценты, делать авторскую мысль более экспрессивной и яркой.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что основная проблематика лингвистического анализа речевого воздействия связана с изучением стратегий говорящего и всех находящихся в его распоряжении языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели. Выделение существующих в современном коммуникативном дискурсе стратегий, тактик и приемов речевого воздействия позволило нам выйти на исследование материального, текстового воплощения коммуникативного потенциала, так как определяющую роль в рамках данной работы играет изучение алгоритмов текстопорождения Захаром Прилепиным.

Избранный нами аналитический алгоритм позволяет игнорировать возможность изучения публицистики Захара Прилепина с точки зрения хорошо и подробно описанных в современной филологии стратегий и тактик. Исследование коммуникативного потенциала как стилистического явления определило аналитический подход к современному публицистическому тексту в нашей работе. Публицистический дискурс политопичен, топическая организация данного типа текста определяется современной медийной проблематикой – актуальными вопросами и явлениями окружающей жизни. Эти обстоятельства и определяют коммуникативные характеристики публицистического стиля речи, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с авторской позицией, соответственно, с текстовым выражением категории автора и с особыми взаимоотношениями с адресатом, влияющими на оригинальность набора применяемых контактоустанавливающих средств.

В соответствии с данными теоретическими установками мы создали свой аналитический подход к публицистическим текстам З. Прилепина, институциональными признаками которого являются воздействующая

---

79 Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999. С. 318.

интенциональность, диалогичность и очевидная выраженность авторского присутствия.

Глава II. Средства формирования коммуникативного потенциала публицистических текстов Захара Прилепина

2.1. Жанровые предпочтения Захара Прилепина-публициста

Феноменология публицистического текста – это серьезная исследовательская проблема, которая связана с пониманием его положения в современном медийном пространстве. Многие говорят о том, что преобладающую роль в журналистике сегодня играют информационные жанры. Однако существующие в печатных и электронных СМИ публицистические проекты, например, газета Б. А. Мисонжникова «Петербургский публицист», и интернет-статистика о её посещаемости, свидетельствуют о востребованности публицистических текстов сегодня.

Актуальность нашего исследования определятся как изучением публицистического дискурса, так и персоной самого автора. Захар Прилепин - это псевдоним. Настоящее имя – Евгений Николаевич Прилепин. После окончания школы милиции и службы в ОМОН, он поступил на вечернее отделение филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Получив филологическое образование, Прилепин в 1996 году в ранге командира особого отделения отправился в Чечню. Три года спустя он вновь участвует в боевых действиях, но уже на территории Дагестана. В этом же году познакомился с главой незарегистрированной Национал-большевистской партии Эдуардом Лимоновым.

Захар Прилепин побывал на разных сторонах баррикад: в молодости он в составе отряда ОМОНа разгонял демонстрации, а позже сам участвовал в них. В 2000 году Прилепин переехал в Нижний Новгород и устроился в газету «Дело», где быстро сделал карьеру журналиста. С этого момента Захар Прилепин начинает развиваться как публицист. Он пишет роман

«Паталогии», который опубликовали в 2005 году. Сегодня Прилепин шеф-редактор интернет-портала «Свободная пресса», автор сборников рассказов «Семь жизней», эссе «Я пришел из России», «К нам едет Пересвет», романов «Санька», «Грех» и др., антологий «Лит Перрон. Антология нижегородской поэзии» 2011, «Десятка. Антология прозы “нулевых” годов» и т. д. Он активно развивается как в печати, так и на радио (радио «Маяк», «Эхо Москвы», «Голос Америки») и на телевидении (например, он был ведущим авторской программы на телеканале «Дождь», 2013 г.).

О популярности творчества З. Прилепина свидетельствует не только его участие в различных медийных проектах, но и премии и награды, которые получает автор постоянно: лауреат Есенинской премии, 2015 г., победитель IV конкурса «Ревизор – 2015» в номинации «Выбор покупателя. Издатель бестселлера в бумажном варианте», Нижегородская региональная премия «Пробуждение» в номинации «Лидер года» 2014, «Человек города» 2012 г. и так далее.

Об актуальности текстов Прилепина свидетельствует частота их выхода – ежегодно. В рамках данной исследовательской работы мы рассматриваем эссе писателя и публициста, опубликованные с 2010 по 2015 год. Это позволит нам проанализировать эволюцию творческой индивидуальности, выявить ключевые признаки текстовой категории авторства.

Оперативный характер публицистики определяет её актуальность. Актуальная тематика – ключевой принцип публицистики, который находит свое отражение и в творчестве Захара Прилепина. Автор формулирует свою сверхзадачу, обращаясь к ключевым проблемам современности; его произведения направлены на пропаганду культурно-нравственных ценностей и реализацию просветительских задач. Это подчеркивает и актуальность нашего исследования: сегодня просветительская публицистика переживает определенный кризис, и на её место приходят медиатексты, задачи и принципы построения которых принципиально иные. Институциональные свойства публицистики: системность и диалогичность – находятся в прямой

взаимосвязи. Системное использование контактоустанавливающих приемов, за счет которых формируется диалогичность, и приемов речевого воздействия обеспечивает публицистике З. Прилепина эффективность.

Основным средством отражения авторской позиции, авторского отношения к существующей реальности является жанровая форма, которую выбирает публицист. Жанр, в свою очередь, определяет, к каким средствам обращается публицист, стремясь выразить собственную позицию, в какой речевой форме транслируются факты, идеи, задачи. Под жанром мы понимаем «единую форму бытования публицистической действительности в группах произведений, объединяемых под тем или иным именем на основе общих сущностных свойств и примет»[80]. Современные исследователи отмечают тенденцию размежевания жанровых границ, жанры дифференцируются, появляются новые формы, направления проявления авторской индивидуальности: «любое расширение “количества” и “качества” знания ведет к усложнению его структурности, появлению новых отсеков, новых средств и форм выражения», – пишет В. В. Учёнова.

На наш взгляд, подвижность жанровых границ определяется спецификой публицистики: она динамична и современна, отвечает сегодняшним запросам, интересам и проблемам, так как носит интегральный характер. В создании публицистического произведения участвует и автор, и читатель одновременно.

Захар Прилепин обращает внимание постоянным поиском актуальной формы, выбор которой зависит от темы, с одной стороны, и канала распространения, с другой: он публикует произведения в жанре аналитической статьи в рамках информационно-аналитического интернет-портала «Свободная Пресса», особую популярность приобрело его произведение «Письмо либеральной интеллигенции товарищу Сталину» 2012

---

80 Ершов Ю. М. Методы познавательной деятельности публициста и жанры публицистики: диалектика взаимодействия. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. М., 1987. С. 32.

[81], заявленное как жанр открытого письма, также он пробует себя в роли колумниста, публикует обзоры и комментарии. Однако в рамках данного исследования особый интерес для нас представляет текстовое воплощение категории авторства и коммуникативного потенциала в эссеистике Захара Прилепина.

Эссе – «жанр философской, эстетической, литературно-критической, художественной, публицистической литературы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь»[82]. Объектом нашего исследования является именно публицистическое эссе.

Публицистическое эссе – это форма свободного изложения авторской мысли; оно социально ориентировано и обладает воздействующей направленностью. Наиболее полно отразил специфику жанра эссе А. Л. Дмитровский: «особенностью новой формы стал усиленный самоанализ, самотчет, направленный на постижение автором в самом себе всеобщих для человечества универсалий. <...> Это не привычная традиционная литература, но нечто новое - интимное, личное, о себе и для себя»[83]. На наш взгляд, такое определение специфики жанра эссе в наибольшей степени соответствует предпочтениям Прилепина-публициста. В своих произведениях он предстает читателю предельно откровенным: рассказывает истории семейной жизни (эссе «*Десять лет без права переписки»2008, «Дышите» 2008, «Декабрь мой розовый, декабрь мой оловянный*» 2011 и др.), вспоминает, мечтает, ругает, страдает (*«Почему я не убил Ельцина» 2011, «Маленькая любовь к маленькой стране»2011, «Вы правы, вы правы. Боже мой, как все вы правы!» 2012* и др.) Приемы интимизации, диалогизации, формирующие коммуникативный потенциал

---

81 Прилепин З. Летучие бурлаки. М., 2015. С. 349.

82 Советский энциклопедический словарь. /Под ред. А. М. Прохорова. М., 1980. С. 1571 Цит по Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография. Орел, 2006. С. 130.

83 Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография. Орел, 2006. С.130.

текста, позволяют нам исследовать эссе Прилепина как форму свободного выражения того, что чувствует автор, его мироощущения, миропонимания. А. Л. Дмитровский пишет, что переживания в эссе есть «плод максимального самораскрытия автора, восприятие мира сквозь "стекло" чувствования»[84]. В определении “эссе” «Советского энциклопедического словаря» отмечено, что в этой форме прослеживается ориентация на разговорную речь. На наш взгляд, это связано со стремлением автора высказаться, выговорить созревшие внутри мысли и идеи. Это определяет такое свойство эссе как субъективность. Эссе Захара Прилепина сугубо субъективны, он рисует мир таким, каким он его видит, создавая при этом свой совершенно определенный образ. Л. Г. Кайда говорит о том, что в авторское «я» в эссе - это форма философского осмысления проблемы «я и мир» в особом ракурсе, не похожем ни на один из известных в жанровых системах. Эссе соединяет эпохи, культуры, весь человеческий опыт и знания[85]. Ссылаясь на исследования М. М. Бахтина, Л. Г. Кайда также отмечает, что эссе характеризуется философски углубленным осмыслением текста, бессюжетностью, хаотичностью[86]. Таким образом, жанр эссе не предполагает четко выраженной формы, он свободен и индивидуален, в этом заключается принципиальное свойство эссе, объединяющее его с художественными произведениями, за счет своей интимности, в частности, и с публицистическими - за счет воздействующей интенции.

Таким образом, основными признаками эссе являются: жизненность, субъективность, антропоцентричность, здесь же интимность, диалогичность и т. д. Тут уместно вспомнить определение интересующего нас жанра, которое сформулировал А. Л. Дмитровский: “Эссе - это художественно-публицистическое произведение, отражающее индивидуально-мифологическую авторефлекцию автора над жизненно значимыми для него

---

84 Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография. Орел, 2006. С. 130.
85 Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
86 Кайда Л. Г. Указ. соч. С. 10.

проблемами внутренней (духовной) и социальной жизни”[87]. Именно на примере такой жанровой формы мы будет исследовать слагаемые коммуникативного успеха, первая из которых – текстовое воплощение категории автора.

2.2. Речевое воплощение категории автора

Автор – ключевая фигура в процессе текстопорождения. В. А. Эстрина отмечает, что категория автора – это определенный тип монолога в конкретном произведении[88]. В современной науке существует несколько представлений о текстовом воплощении категории авторства – о способах выявления идеологических, социальных, стилевых и других черт производителя речи. Соответствует специфике публицистического текста, на наш взгляд, рассмотрение образа автора в двух планах: в плане выражения и плане содержания. Под последним мы понимаем идейное содержание всего произведения. Г. Я. Солганик отмечает, что на этом уровне проявление категории авторства неразрывно связано с выражением своего отношения к действительности, собственного понимания того, что происходит в окружающем мире, включенность в социальные процессы[89]. План содержания и выражения реализуются не в отдельном фрагменте произведения, а во всем тексте – это принципиальная характеристика, подчеркивающая присутствие автора. План выражения создается всеми языковыми уровнями, он связан с умением субъекта создавать и оформлять публицистические речи, и для нас принципиально важно выделить именно те воздействующие приемы, которые определяют авторскую индивидуальность, с помощью которых решаются просветительские задачи и пропагандируются культурные ценности.

---

87 Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография. Орел, 2006. С. 130.
88 Эстрина В. А. Образ автора как лингвостилистическая категория текста. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. Львов, 1980. С. 39.
89 Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. М., 2010. С. 136.

Исследуя образ автора в публицистическом тексте, Е. П. Почкай отмечает, что «специфика образа автора в публицистике по сравнению с образом автора в художественной литературе выражается в социализации образа автора, в несовпадении функций и методов познания и отражения действительности в журналистике и литературе»[90]. Авторское начало в содержательном плане в публицистических произведениях З. Прилепина формируется сверхзадачей автора: его совершенно очевидной ориентацией на традиционные ценности: семья, верность и брак; стремлением пропагандировать нравственные ценности в обществе; автор обращает свое пристальное внимание на литературу: он пишет эссе о современном состоянии литературы *«Отборный козий изюм»* 2012, *«Пролеты и проруби»* 2012, *«Печальный плотник, сочиняющий стихи»* 2012, создает антологии «Десятка. Антология прозы "нулевых" годов"», 2011, а также рефлексирует на тему русской культуры *«На мягкой перине, или О столице»* 2012, *«Глушь»* 2012, *«Петр на просторах и Стенька в застенке»* 2011, *«Мой дом – моя глупость»* 2011. Система речевых средств в тексте позволяет читателю определить социальную и культурную позицию З. Прилепина и выявить наиболее значимые черты образа публициста. Например, в эссе, посвященном Т. Толстой «Отборный козий изюм» 2012, отрицательная оценка писательницы выражается ироничным словосочетанием *славная женщина*, усиливается инверсией *– очень любит об интеллигенции и её отличительных признаках поговорить*, и риторическим вопросом (*Других бабушек, видимо, не замечала?*), со всей определенностью транслирующим отношение автора к персонажу.

Внутренний мир Захара Прилепина-публициста кажется открытым читателю, что определяется, на наш взгляд, рядом принципов. В первую очередь, важную роль играет природа жанра эссе, современные филологи говорят о том, что эссеистические произведения почти всегда рождались из

---

90 Почкай Е. П. Образ автора в публицистическом тексте. Автореферат дис. на соис. уч. ст. к. филол. наук. Л., 1986. С. 39.

личной потребности «понять», «познать», «разобраться» или просто «запечатлеть» окружающий мир[91]. Жанр эссе, рассчитан на трансляцию личной, индивидуальной частной точки зрения. Например, Захар Прилепин может открыто заявить:

«*Кого-то начало «нулевых» обнадеживало; сразу скажу, что меня – нет. Удивительная вещь. Как будто мы собираемся жить триста лет и никуда не торопимся. И прощаем другим их катастрофическую неторопливость*»[92].

В публицистике Прилепина отсутствует герой, трансляция внутренних переживаний автора осуществляется напрямую. Такого типа взаимоотношения автора и читателя заставляют говорить о реализации такого воздействующего приема, как как интимизация общения.

О разных возможностях текстового воплощения образа автора-публициста писал Г. Я. Солганик: «Автор, используя специальные приемы интимизации, стремится выглядеть близким читателю человеком, «своим парнем»[93]. Применительно к публицистике интимизация позволяет автору реализовать комплекс задач, направленных на формирование представлений, мнений у читателя, провоцирующих эмоциональные состояния, схожие с авторскими.

Приведем еще один пример из «толстовского» эссе З. Прилепина, который пишет: «*Памятуя о пассаже Толстой, посвященном Ленину, не умевшему варить яйца, мне хотелось бы спросить Толстую: а что она, барыня, ни дня не занимавшаяся крестьянской работой, может знать о деревне? Поди, только то, что корову доят двумя пальцами, а когда курица несет яйца, ей больно*»[94].

В данном отрывке автор интимизирует общение с читателем за счет аллюзии к своему деревенскому прошлому, усиливает эту аллюзию,

---

91 Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография. Орел, 2006. С. 130.
92 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012.
93 Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. М., 2010. С. 136.
94 Прилепин З. Указ. соч. С. 41.

применяя приемы стилизации. Интенсификация воздействия на читателя достигается при помощи риторического вопроса и отрицательно-оценочной метафорической номинации барыня, а также однородных членов сложносочиненного предложения. Так, например, эссе «Мой дом – моя глупость» 2011, проникнуто глубокой рефлексией автора по поводу века прошлого и размышлениями относительно века нынешнего, «века информации». Свое отношение автор совершенно открыто выражает в определении понятия «век информации» - *совершенно нелепое определение,* усиливается воздействие при помощи многочисленных риторических высказываний: *Но давайте спросим себя: помним ли мы наизусть хоть одну народную песню? И что теперь?* Прилепин намеренно вводит в этот фрагмент элементы разговорного стиля: *Черт возьми, кто мне объяснит, почему это было не нужно двадцать лет назад?*

Диалогичность текста, создаваемая при помощи вопросительных конструкций, формирует отношения между автором и читателем. Определяющая черта текста как коммуникативной единицы его адресованность, то есть возможность соотноситься с реальным адресатом, в данном случае, мы имеем ввиду аудиторию З. Прилепина. Автор создает характер, близкий ему по образу жизни и мыслей, и соотносит его со своим читателем:

«*И почему, закованный в железо, прижавшийся к дверному глазку напуганным зрачком, я должен чувствовать себя счастливее, чем раньше, когда из дома выходил сразу на улицу?»*[95], («Мой дом – моя глупость», 2012).

В этом примере содержится аллюзия к недавнему историческому прошлому – Советскому Союзу – времени, знакомому читателю, за счет этого усиливается воздействующая интенция в тексте.

Основные черты образа автора совершенно очевидны:

– З. Прилепин – семьянин «*когда кормлю свою четырехлетнюю Лильку, то рассказываю ей про Бабу-ягу со страшными когтями, которая*

[95] Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012.

прилетела к нам на крышу и стала уговаривать меня посадить дочку в ступу», «*порой даже думал, что мне не нужно иметь детей, потому что они вырастут такими же дураками, как я»,* писатель «*я хороший писатель. В каких-то вещах достиг мастерства, более того – знаю, что умею то, чего не умеют другие»*[96];

– рок-музыкант – солист в группе «Элефанк»;

– филолог, интересующийся вопросами культуры, литературы, нравственности.

Образ автора, который формирует Прилепин в своей публицистике, выступлениях, интервью, определяет его аудиторию, которая, на наш взгляд, характеризуется достаточно высоким уровнем образования, уважает традиционные ценности.

Одно из важнейших средств формирования образа читателя - прецедентные тексты. Под прецедентом в современной филологии понимают тексты, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников[97]. Ю. Е. Прохоров называл прецедентными текстами – тексты, знание которых символизирует принадлежность к языковой культуры данного этноса, а использование осуществляется в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения[98]. Прецедентный текст выступает одновременно как средство формирования языковой картины мира, индивидуального стиля публициста, языкового образа читателя.

Применительно к публицистике Захара Прилепина мы будем исследовать такой способа введения прецедентных текстов как реминисценция. Определил природу текстовой реминисценции А. Е. Супрун,

---

96 Абакумова А. Мне не хватало великой Родины// Панорама TV, 2016.

97 Пучкова Е. В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках// Ученые заметки ТОГУ. Том 4. № 4. 2013. С. 231.

98 Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований. Сборник статей./ Ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М., 1997. С. 229.

он пишет, что это могут быть: «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. Текстовые реминисценции могут представлять собой цитаты, крылатые слова, отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При текстовых реминисценциях может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику»[99].

Прецедентность в публицистике Захара Прилепина, на наш взгляд, позволяет воздействовать на сознание читателя, повышает коммуникативный потенциал произведения. Так, например, прецедентные тексты могут убеждать: «*Но как сказал один умный человек: «Мы знаем все больше и больше о меньшем и меньшем»* («Мой дом – моя глупость» 2011); изменять оценку фактов, обращать к ним интерес: «*Что такое Данте, Рабле и Леонардо без их искушений? Представить ли вне искушений гуляку Пушкина, игрока Достоевского, путаника и ревнивца Льва Толтого, сластолюбца Тютчева?»* («Искушаю прозрачной душой» 2011). В последнем примере воздействие усиливается при помощи обобщенных характеристик персонажей – поэтов и писателей, а также за счет использования ряда однородных членов предложения. Также прецедентные тексты могут вовлекать читателя в авторские суждения: «*Это как в анекдоте от Раневской: «Недавно видела картину «Мона Лиза» и она меня не впечатлила...» – «Знаете, «Мона Лиза» уже может позволить себе кого впечатлять, а кого и нет», (*«Смешная жизнь земная, или вслух о вечных ценностях» 2011). В данном случае свои мысли автор выражает, цитируя слова известной русской актрисы – Фаины Раневской.

---

99 Цит. по Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований. Сборник статей. / Ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М., 1997. С. 229.

Е. П. Почкай выделяла три типа функционирования авторского «я»: «я» описывающее», «я» действующее», «я» размышляющее»[100]. Однако применительно к публицистике З. Прилепина мы можем говорить о взаимопроникновении выделенных типов функционирования авторского «я», в результате чего выделенная нами категория автора проявляется в тексте: в диалогичности, интимизации и в прецедентности, которые, взаимодействуя, позволяют нам говорить о системности использования средств речевого воздействия в публицистических текстах Захара Прилепина.

2.3. Средства диалогизации публицистической речи

Диалогичность – одна из двух идей, под влиянием которой формируется феноменальность публицистического стиля речи. Идея эта была высказана В. Г. Костомаровым в 1973 году. Он писал о том, что мощной воздействующей силой обладает экспрессивная лексика. Переплетение в тексте стандартных приемов с эмоционально-окрашенной лексикой обеспечивает ему эффективность.

За прошедшие десятилетия стилистика возвращалась к разработке этой идеи не один раз. Итоговой в определенном смысле для этого направления является монография Л. Р. Дускаевой, в которой описана система контактоустанавливающих средств, при создании которой задействованы все языковые уровни: лексический, морфологический, синтаксический фонетический, текстовый[101].

Диалогичность публицистического текста, как утверждают исследователи, формируется за счет включения в повествование читателя. И. Н. Борисова выделила классификацию речевых поступков, которые

---

100 Почкай Е. П. Образ автора в публицистическом тексте. Автореферат дис. на соис. уч. ст. к. филол. наук. Л., 1986. С. 39.

101 Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. / Под ред. М. Н. Кожиной. СПб., 2012. С 274.

определяются целью говорящего: директивы (побуждение адресата к действию), комиссивы (принятие обязательств на себя), экспрессивы (самовыражение адресата), вердиктивы (оценочное мнение и мнение-суждение), репрезентативы (оперирование информацией), коммуникативные регулятивы (связанные с «организационными» аспектами взаимодействия)[102]. Эти речевые поступки определяют воздействующий арсенал публицистического текста, следовательно, анализ речевого поведения Захара Прилепина-автора в его взаимодействии с читателем позволит нам выявить систему воздействующих приемов, формирующих коммуникативный потенциал его текстов.

Для реализации своей сверхзадачи Захар Прилепин использует разные речевые приемы. Так, например, он начинает свое эссе «Дышите» 2008 г. с интенции вердикатива: *«Март ни с чем не перепутаешь. Март вообще имеет куда более серьезное отношение к психологии, чем к природе как таковой[103]»*. В приведенном фрагменте автор выражает мнение-суждение о марте месяце, усиливается данное суждение на синтаксическом уровне, за счет использования инверсии, на лексическом – при помощи сравнительной степени качественного прилагательного *серьезный,* на морфемном уровне воздействующая интенция реализуется в глагольной форме *не перепутаешь* – автор намеренно использует форму второго лица для персонализации адресата. Таким образом в тексте появляется читатель.

В следующем отрывке речевое поведение меняется на экспликатив – объяснение «*Потому что поначалу март – это просто истерика, это разлад, это развод, это распад»* и на экспликатив-рассуждение *«Черт знает, что такое этот март, а не месяц», - думаешь в первые его минуты».* В первом фрагменте воздействие усиливается на лексическом уровне рядом однородных членов *развод, истерика, разлад, распад*, а во втором – использованием разговорных оборотов *черт знает, что такое*. На

---

102 Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2007. С. 247.
103 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 19.

синтаксическом уровне диалогичность достигается при помощи включенной в текст цитаты, усиливается на морфемном уровне использованием глагола в форме второго лица единственного числа. Так, персонализируя повествование, автор повышает коммуникативный потенциал произведения.

Захар Прилепин сформулировал основной тезис своего эссе в самом начале: Март – месяц, когда жизнь человека начинает бить новым ключом, поэтому это время связано с психологией. Этот тезис определяет и структуру экспликатива-объяснения: он носит антропоцентричный характер, автор сразу вводит читателя в диалог, и для доказательства своего тезиса использует соответствующие приемы. «*И соседи вновь появляются – сверху, снизу и еще откуда-то по диагонали. Кто-то ходит так громко и четко, словно на костылях»*[104]. В этом фрагменте воздействующая интенция реализуется при помощи аллюзии к возникшим жизненным ситуациям. Однако этот прием позволяет автору имплицитно формировать читательскую картину мира, в частности – представление о первом месяце весны, таким, каким он представляется ему. И именно отбор фактов позволяет автору имплицитно воздействовать на аудиторию. Формируя повествование от мнения-суждения, рассуждения, объяснения, автор заканчивает его репрезентативом – констатацией *«Все хорошо. Все будут живы и счастливы»*, и директивом – побуждением адресата к действию, формирование установки *«Даже не станем оборачиваться – мы и так в этом уверены».* Таким образом автор стремится реализовать свою основную интенцию – убеждение, путем обращения к фактам, логическим рассуждения, а также путем включения в повествование читателя.

Подобная форма построения текста (от суждения к побуждению) одна из излюбленных у Захара Прилепина. Именно в рамках данной формы автор системно использует огромный воздействующий арсенал русской речи и реализует свои задачи. Например, с интенции вердикатива Захар Прилепин начинает свое эссе «Русские люди за длинным столом» (2001):

---

104 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 19.

Русский человек и есть та глина, в которую до сих пор легко вдохнуть дар, дух и жизнь. Далее следует экспликатив – рассуждение: *Я встречал несколько тысяч русских людей в самых разных ситуациях и в самых разных местах,* однако, завершает свое произведение автор экспликативом – выводом, а не директивом – побуждением к действию: *Я хожу по нашей земле с тем странным ощущением, когда тебе отзывается все вокруг тебя. Наверное, так ходят лесники по любимому лесу*[105] («Русские люди за длинным столом» 2001).

В соответствии с тем же алгоритмом текстопорождения написаны и эссе «Пролеты и проруби» 2005, «Мы знаем, чем все это кончится» 2008, «На мягкой перине, или о столице» 2009, «Петр на просторах и Стенька в застенке» 2011, «Мой дом – моя глупость» 2011, «Искушаю прозрачной душой» 2011, «К нам едет Пересвет» 2012, «Декабрь мой розовый, декабрь мой оловянный» 2011, «Слово на букву «М» или размышления о мачизме» 2007, «Смешная жизнь земная, или вслух о вечных ценностях» 2011, «Маленькая любовь к маленькой стране» 2011 и т. д.

Следовательно, мы можем сделать вывод, что выявленная нами форма является одной из самых распространенных в современной публицистике. Однако система приемов, используемых автором при создании текста, позволяет нам говорить о возможности индивидуализации этой формы. Диалогичность текстов Захара Прилепина формируется на нескольких уровнях языка: морфемном, лексическом, синтаксическом. Мы выделили используемые приемы на каждом уровне.

Одним из самых мощных по силе воздействия считается лексико-фразеологический уровень. Эмоционально окрашенные слова и выражения чаще всего используются для передачи отрицательного отношения: *месили и кромсали, антирусских зараз, никто не тычет в лицо, достала любовь, невыносимо надоела* («Маленькая любовь к маленькой стране» 2011). Активно «работают» лексемы с положительной коннотацией: *божественное*

105 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 31.

милосердие, волшебный, маленький праздник, большое счастье («Декабрь мой розовый, декабрь мой оловянный» 2011). Аналогичный эффект достигается с помощью фразеологических словосочетаний или их намеренной трансформации: *мой дом – моя глупость* («Мой дом – моя глупость» 2011). Усиливается воздействующий потенциал выделенных речевых средств с помощью повторов: *вру, вру, я все вру*, различных приемов языковой игры: *копить мебель, коптить небо*, применением экспрессивного синтаксиса: *Не рисовал. Не писал. Курил. Думал. Умер потом.* («Петр на просторах и Стенька в застенке» 2011).

Интимизация провоцируемого Прилепиным-публицистом диалога с читателем достигается путем откровенного рассказа о том, что он думает, по каким поводам переживает, о чем мечтает, что читает: *мне хотелось бы, мне мечтается, когда я читаю* и т. д.

Захар Прилепин создает тексты, структуру которых определяет нерушимая логика, а лексическую форму – авторское намерение оказать воздействие на эмоциональное состояние адресата.

Данное авторское намерение реализуется и в морфологических характеристиках речевой формы текстов. Мы можем выделить также ряд излюбленных Захаром Прилепиным речевых средств. Особую роль в тексте играют глагольные формы, как мы отмечали это ранее. Так, например, публицист часто прибегает к глаголам определенного времени и видовых характеристик: *мы знаем, чем все это кончится, сегодня часто говорят, я слышал эти странные слова, я несколько раз замечал, встречалась, упоминают неохотно, уводят из-под удара*[106]. («Мы знаем, чем всё это кончится» 2008). В каждом из приведенных примеров из разных эссе Прилепина используются глаголы несовершенного вида, прошедшего или настоящего времени. На наш взгляд, использование такой формы определяется характером высказывания – функциональным типом речи (рассуждением). Данная глагольная форма позволяет демонстрировать

106 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 129.

длительность какого-либо процесса, свидетельствует о повторяющихся явлениях.

К иным глагольным формам З. Прилепин прибегает, иллюстрируя те или иные события из прошлого, доказывая тот или иной оценочный тезис: *Ельцин тяжело подошел и встал рядом со мной. Он поднял руку, приветствуя «народ». Все, что Ельцин мог растерять и распродать, к 1998 году он растерял и продал*[107](«Почему я не убил Ельцина» 2003).

В данном случае автор использует совершенный вид глагола, который позволяет ему подчеркнуть завершенность того или иного действия, и передать этим соответствующий смысл или настроение. Совершенный вид демонстрирует свершившийся результат, оконченное действие, изменить которое уже невозможно.

Одной из наиболее ярких характеристик индивидуального стиля З. Прилепина можно считать изобретаемые им окказионализмы. Например, в эссе «Слово на букву «м», или размышления о мачизме» (2007) писатель вводит существительное *мачизм*, в стилистическом значении которого имеется отрицательная оценка конкретного явления, знакового для сегодняшней реальности. В данном случае Прилепину с помощью окказионализма удается сформировать у читателя негативное представление о явлении, о социальном типе, который является символом данного явления.

Воздействующей интенции соответствует и такой прием, как перевод относительных прилагательных в качественные. Приведем пример из эссе «Дотянуться до лета» 2009: *вся осенняя, зимняя, весенняя жизнь пролетела сырой соленой чередой*. Захар Прилепин определяет так периоды жизни не с ориентацией на природные условия, а с отсылкой к эмоциональному восприятию, Данное определение позволяет ему противопоставлять летнюю жизнь иным ее разновидностям, выделять те ее особенности, которые ему кажутся в этот момент важными.

---

107 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 125.

Лето Прилепин сравнивает со счастьем, которое живет в душе, а не на улице, этим и определяется переход прилагательного в качественное: *Как бы так научиться, чтобы лето было всегда, даже если вокруг снега, и в них потеряны наши калоши, и ноги мерзнут, и мама недовольна. […] Скоро лето, любимая, скоро лето!*[108]. А зима у Прилепина предстает как вариант ощущения современной жизни: *даже сейчас у нас холодно, осклизло и гадко, и изморозь всегда ползет по спине, въедаясь в позвоночник*.

Не игнорирует З. Прилепин и синтаксические средства диалогизации публицистического текста. Довольно часто он передает смысловую структуру текста в форме диалога. Автор использует риторические конструкции в диалоге с невидимым собеседником, как, например, в эссе «Маленькая любовь к маленькой стране» 2011:

А что ты имеешь против прелестных уголков и нормальной человеческой жизни? – спросят меня. Я? Ничего не имею[109].

Риторические конструкции позволяют автору направлять читателя и предвосхищать, возможно, и не совсем его, мысли - вводить информацию имплицитно: *Я сделал все малые дела <…>. И что? И где результаты в моей большой Родине?* Он активно использует не только вопросительные, но и восклицательные конструкции, которые, казалось бы, навечно скомпрометированы опытами советской журналистики:

Вы правы, вы правы. Боже мой, как вы все правы! <…> сразу и все: власть, эпоху, нацию, спасибо, сдачи не надо, что у вас там в углу, вон там, да…религия? Давайте сюда[110].

В эссе «Вы правы, вы правы. Боже мой, как все вы правы!» 2007 Захар Прилепин говорит о событиях 25 октября, и его рассуждения об истории, о России переплетаются с воспоминаниями из его личной жизни. Эссе принципиально, установочно, если можно так сказать, интенционально

108 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 171.
109 Прилепин З. Указ. соч. С. 181.
110 Прилепин З. Указ. соч. С. 185.

диалогично: автор обращается к читателю, отвечает ему, цитирует других людей, и даже свою дочь:

– Боюся я, – шептала она, глядя в окно, а я смеялся. – Никого нет, – сказал я. – Все будет хорошо. И мы заснули[111].

В данном текстовом фрагменте воздействующая интенция усиливается интимизацией: переживания Прилепина за Россию настолько же глубоки, как и за семью, автор не разделяет эти явления, они для него едины.

Воздействие на синтаксическом уровне реализуется также при помощи анафоры и парцелляции. Единое начало, повторяющиеся слова позволяют автору акцентировать, заострить внимание на принципиально важном для него:

Большой свободы хочу. Большего выбора жду. Хватит уже любить малую страну <…>. Хватит уже малых дел для маленькой страны («Маленькая любовь к маленькой стране» 2011).

Найти согласие с ним, как с собою. С ним, говорю, как с собою. Это и есть главная ценность Бытия. Недостижимая, но вечная. <…> Горе, да. Впрочем, это не я сказал. Я так услышал («Смешная жизнь земная, или вслух о вечных ценностях» 2006).

Воздействие в данном отрывке из эссе «Смешная жизнь земная, или вслух о вечных ценностях» осуществляется при помощи парцелляции и инверсии. Нестереотипное членение предложения позволяет автору расставить нужные акценты. Текст становится ярким и экспрессивным.

Подводя итоги, хотим отметить, что специфика речевого поведения Захара Прилепина может быть осознана в контексте дихотомии «человек-частный» и «человек-социальный». Уникальность создаваемого им образа автора заключается в том, что для него социальное и личное находится в непосредственной взаимосвязи друг с другом. Форматируя эмоциональное состояние своего собеседника, читателя, адресата, Прилепин использует классическую логическую форму изложения мысли, которая оживляется им с

---

111 Прилепин З. К нам едет Пересвет. Отчет за нулевые. М., 2012. С. 181.

помощью оригинальной системы речевых приемов и средств. Принципиальное отличие коммуникативной установки Прилепина-публициста в ее программной диалогичности и в системном использовании воздействующих приемов. Он, как нам представляется, намеренно использует те инструменты речи, которые обеспечивают единство с читателем сразу на нескольких уровнях: интеллектуальном, эмоциональном, ментальном. В этом, на наш взгляд, проявляется и творческой индивидуальность Прилепина-литератора.

Заключение

При исследовании публицистических произведений Захара Прилепина наше внимание было сосредоточено на текстовых особенностях, характеристиках, которые определяют их коммуникативный потенциал. Под коммуникативным потенциалом мы понимаем возможность текста функционировать прежде всего в качестве коммуникативной единицы – осуществлять речевое взаимодействие между субъектом речи и адресатом, обмен информацией, речевое воздействие. Такое понимание коммуникативного потенциала публицистического текста определило наш интерес к жанру эссе как своеобразной форме выражения авторской оценки окружающей действительности, оказывающей мощное побудительное воздействие на читателя и обладающей рядом специфических свойств.

Эссе, созданные Захаром Прилепиным – это уникальная жанровая форма, предполагающая свободное изложения авторской мысли; оно социально ориентировано и обладает ярко выраженной воздействующей направленностью. Опираясь на работы Л. Г. Кайды, М. М. Бахтина, А. Л. Дмитровского и многих других специалистов, мы определили, что основными признаками эссе являются: жизненность, субъективность, антропоцентричность, интимность, диалогичность, то есть те текстовые характеристики, которые позволяют рассматривать публицистические произведения Захара Прилепина как коммуникативную единицу.

Мы определили, что Прилепин-публицист в процессе текстопорождения использует классическую форму публицистической презентации логики суждений: рассуждение, побуждение к действию.

Лингвостилистический анализ текстов Захара Прилепина показал, какая мощная, разнообразная система речевых средств и приемов используется им для достижения хорошо осознанных коммуникативных целей и установок. Очевидно, что Захар Прилепин как филолог по образованию, литератор, следовательно, профессионал речи прекрасно

понимает прямую связь принципов отбора приемов речевого воздействия и текстопорождающих стратегий и тактик с авторской позицией, соответственно, с текстовым выражением категории авторства и с особыми взаимоотношениями с адресатом, которые влияют на оригинальность набора применяемых контактоустанавливающих средств.

Огромная и разнообразная речевая практика Захара Прилепина дает ему возможность точного отбора лексических, морфологических и синтаксических средств, приемов речевого воздействия, которые позволяют ему обозначить очевидное авторское присутствие, абсолютно точно транслировать воздействующую интенциональность и выразить авторскую индивидуальность. Анализ материала дает нам возможность безоговорочно утверждать, что ключевой текстовой категорией для публицистических произведений этого писателя является категория автора.

Вторым институциональным признаком публицистических произведений Захара Прилепина является использование уникальной системы контактоустанавливающих средств, которые одновременно выполняют и воздействующую функцию. Мощнейший коммуникативный потенциал созданных публицистом, популярным литератором и шоумэном текстов определяется системностью применения хорошо известных и уникальных речевых средств, приемов.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что через постижение специфики созданного и многократно апробированного Захаром Прилепиным алгоритма текстопорождения мы смогли приблизиться к постижению секрета популярности одной из самых известных сегодня медиаперсон.

Список использованной литературы

Исследования

1. Абакумова А. Мне не хватало великой Родины. // Панорама TV, 2016.
2. Пучкова Е. В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках// «Ученые заметки ТОГУ» Том 4. 2013. № 4.
3. Аннушкин В. И. История русской риторики. М., 2002.
4. Арапова Н. С. Эвфемизмы. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.,1990.
5. Аристотель Поэтика. Риторика. СПб. 2007.
6. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2007.
7. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011.
8. Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Монография. Орел, 2006.
9. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. / Под ред. М. Н. Кожиной. СПб, 2012.
10. Ершов Ю. М. Методы познавательной деятельности публициста и жанры публицистики: диалектика взаимодействия. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. М., 1987. С. 32.
11. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики. Назрань. 2001.
12. Иссерс О. С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М., 2013.
13. История риторики. Учебное пособие. //сост.: Т. В. Дофман. Магнитогорск, 2006.
14. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
15. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007.

16. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований. Сборник статей. / Ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М., 1997.

17. Лебедев С. В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки: автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. полит, наук. М., 2013.

18. Орлова Н. В. Театральная рецензия как жанр публицистического и меддийного дискурса// Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 204-213.

19. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.,1999.

20. Почкай Е. П. Образ автора в публицистическом тексте. Автореферат дис. на соис. уч. ст. к. филол. наук. Л., 1986. С. 39.

21. Советский энциклопедический словарь. / Под ред. А. М. Прохорова. М., 1980.

22. Солганик Г. Я. Лингвистика речи. Медиастилистика. Монография. М., 2012.

23. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. М., 2010.

24. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж. 2012. С. 180.

25. Трофимова О. В. Публицистический текст: лингвистический анализ. М., 2010.

26. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986.

27. Толковый словарь русского языка. // Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М., 1935-1940.

28. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения. // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 46-50.

29. Хорошилова С. П. Психологическая природа эффективности речевого воздействия на человека: монография. Новосибирск, 2014.
30. Эстрина В. А. Образ автора как лингвостилистическая категория текста. Автореферат дис. на соис. уч. степени канд. филол. наук. Львов, 1980. С. 39.
31. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М., 2014.

Источники

32. Прилепин З. Вы правы, вы правы. Боже мой, как все вы правы! // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 185-192.
33. Прилепин З. Декабрь мой розовый, декабрь мой оловянный. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 158-162.
34. Прилепин З. Дотянуться до лета. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 170-174.
35. Прилепин З. Дышите// К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 19-23.
36. Прилепин З. Женщина, тужься на боль! // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 118-124.
37. Прилепин З. Искушаю прозрачной душой. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 154-157.
38. Прилепин З. К нам едет Пересвет. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 163-165.
39. Прилепин З. Летучие бурлаки. М., 2015. С. 349.
40. Прилепин З. Мой дом – моя глупость. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 149-153.
41. Прилепин З. Мы знаем, чем все это кончится. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 129-133.
42. Прилепин З. На мягкой перине, или О столице. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 134-137.
43. Прилепин З. Овца, которая могла изменить мир. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 175-177.

44. Прилепин З. Отборный козий изюм. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 41-56.
45. Прилепин З. Петр на просторах и Стенька в застенке. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 143-148.
46. Прилепин З. Почему я не убил Ельцина. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 125-128.
47. Прилепин З. Пролеты и проруби. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 57-61.
48. Прилепин З. Русские люди за длинным столом. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 31-37.
49. Прилепин З. Смешная жизнь земная, или Вслух о вечных ценностях. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 178-180.
50. Прилепин З. Слово на букву «м», или Размышления о мачизме. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 166-169.
51. Прилепин З. Я пришел из России. // К нам едет Пересвет: отчет за нулевые. М., 2012. С. 193-198.